

Зрелые годы Бумбараша

«В преодолении этой проклятой жизни
есть свой кураж».

ЛИЦО
НЕДЕЛИ

Валерий Сергеевич, вы родились на Алтае, в селе Быстрый Исток, недалеко от Сростков — родины Василия Шукшина?

— Да, наши села всего в ста километрах друг от друга. Край такой. Здесь еще и Миша Евдокимов родился. Я тут как-то еду ночью, останавливает меня гаишник. Подошел, глянул и говорит: «Друзей Михаила Евдокимова не штрафую».

— Где вы с Евдокимовым засветились?

— В фильме «Не валяй дурака, Америка!». Фильм забавный. Сюжет анекдотический. Все пьют, дерутся, но сквозь эти безобразия и веселье, и грусть проглядывают.

— В автобиографической повести «На исток-речушку, к детству моему» вы пишете, что мать, уходя в поле, прибывала вас за ногу к крыльцу, а вы от нечего делать пели, и люди давали вам «кто чего — яичко, пирожок какой». Так и началась ваша артистическая карьера?

— Тогда не думал, что стану артистом, но мечтал. И все время «выставлялся» — в школе, в санатории, куда попал в семь лет и где пробыл до десяти, — не вставая.

— Костный туберкулез?

— Такой диагноз поставили. Но много позже специалисты-медики объяснили мне, что я был болен остеомиелитом. А в то время лечение было одно — гипс. Многие мои друзья по санаторному детству стали из-за этого инвалидами. Мне от бедра до щиколотки сделали жесткий гипс, предварительно вытянув ногу чуть ли не на шесть сантиметров.

С отцом

С Высоцким (перед началом спектакля «Десять дней, которые потрясли мир»)

Но, к счастью, под этим панцирем завелись вши или блохи, и я расчесал кожу до раны. Гипс пришлось снять. Так я себя спас, не стал калекой.

— Насколько правдива история вашего поступления в ГИТИС, которую вы так смешно описали в рассказе «Отправленное письмо, или В Москву за песнями»?

— В легенде есть прореха. За год до поступления к нам в село приехали артисты, и я участвовал в их программе. Эту историю я долго скрывал и обнародовал лишь в 80-м году в рассказе «Клоуны», она как-то не вписывалась в сказку об Иванушке-дурачке. Алексей Яковлевич Полозов, который руководил цирковой бригадой, сказал мне: «Вы совершите преступление, если не станете драматическим или оперным артистом». И дал мне свой московский адрес.

— А сейчас вы поете? Душа песни просит?

— Временами просит. Но каждому овощу свое время. Мне уже исполнилось пятьдесят семь. Хотя и сейчас пою на концертах и в спектаклях, но особого стремления к этому уже нет.

Валерий Золотухин

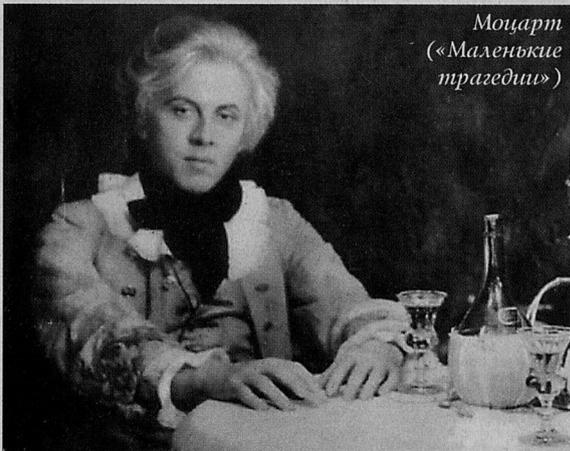
ТВ Парк. 1998. - 7-13 сент. - с. 6-9

— *Легенду об Иванушке-дурячке сами создавали?*

— Не специально. Но потом выяснилось, что это работает. Рассказ о поступлении в театральный институт — это мое письмо, которое я написал маме из Москвы. Доля истины в этой истории есть. Помню, когда приехал в Москву, сразу с поезда ранним утром 1958 года пришел к институту, а он закрыт. Дворник сказал: «Есть, наверное, хочешь? Здесь поблизости кафе». Это было кафе «Прага». Швейцар говорит: «Снимайте плащ». А я ему: «За-

Бумбараши

Моцарт
(«Маленькие трагедии»)

чем? А вдруг сопрут?». Вошел. В шароварах, в кедах и вытянутом вигоневом свитере. Сел за стол. Мне принесли ложку, вилку и... нож. Вспоминаю лихорадочно, что в какой руке должно быть. Принесли блинчики с мясом. Я стал их резать, предварительно загорюдившись графином с водкой. И ничего не получилось: фарш полетел во все стороны.

— *В кино вы долго, как говорили критики, «воплощали подлинно народные характеры, порою близкие фольклорным». И в этом качестве кинематограф вас со страшной силой эксплуатировал. Вы на него не в обиде?*

— Все происходило по обоюдному согласию. Первым в этом ряду был фильм «Пакет» про Петьку-буденновца. Образ близкий к Бумбарашу. Я не пошел в оперетту, хотя учился на отделении артистов музыкальной комедии, но ампула мальчика из народа с баяном или аккордеоном за мной как-то сразу закрепилась. Это у Любимова я сразу начал с Грушницкого в «Герое нашего времени». Видно, Юрий Петрович находился в безвыходном положении — на роль Печорина он назначил Николая Губенко и ему нужен был такой же нестандартный Грушницкий. (Смеется.) Представляете, я — герой-любовник?!

— *Это произошло в 1964 году, сразу после рождения «Таганки»?*

— Через несколько месяцев. Я показался в конце сезона. И год играл в двух театрах. Дикая денга зашибал, по семьдесят пять рублей в каждом. Бывало, первое действие отыграю в «Моссовете», сажусь в такси, на ходу снимаю грим, и мчусь на «Таганку», чтобы успеть ко второму действию. А там уже антракт

затягивается, Любимов ходит злой...

— *Значит, другую сторону вашего дарования, скажем так, нефольклорную, открыл Любимов?*

— На «Таганке», в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир», я тоже крестьянина играл — одного из ходоков к Ленину. Юрий Петрович до этого посмотрел «Пакет». Вообще-то, Любимов к кино относится пренебрежительно — за искусство не держит и иначе как киношкой не называет. А про «Пакет» сказал: «Вы

удачно сыграли». Это я подбираюсь к спектаклю «Живой» по Борису Можаяву, который стал лучшим спектаклем театра, легендой и моей судьбой. Его запретили, он лег на полку на двадцать один год. Но моя встреча с прозой Можаява в 1968 году тем не менее состоялась, режиссер Назаров снял по его повести фильм «Хозяин тайги», где я снова сыграл такого мужиковатого героя — милиционера Сerezкина.

— *Поскольку в том же 68-м в «полочную ссылку» отправили «Интервенцию» Г. Полочки, то, видимо, первый, кто увидел вас в кино ампула, был Михаил Швейцер? В его картине «Маленькие трагедии» по Пушкину вы сыграли Моцарта.*

— Нет, это произошло раньше. В фильме Абрама Матвеевича Роома «Цветы запоздалые» по Чехову я играл

Сerezкин («Хозяин тайги»)

Человек
с аккордеоном
в России никогда
не пропадет

князя, Егорушку Приклонского. И Роом мне тогда же сказал: «Заканчивайте вы с этой своей «милицейской» карьерой. Так, как вы носите фрак, — давно забыли. Это природа! Посмотрите на свои руки, у вас же руки — княжеские». Но это была небольшая роль, а мои Сerezкин и Бумбараш так загвоздили в режиссерском и зрительском сознании этот штамп, этот банный лист, что с ним стало очень трудно бороться. И вы понимаете, кем стал для меня Моцарт! Я много про себя вру, но иногда говорю правду. Я тогда поймал свою птицу счастья. Конечно, после Моцарта меня все равно не звали играть князей Болконских, но внутренне для меня вопрос был решен: могу! сбьлось!

— *А что не сбьлось?*

— Я пробовался у Роома на роль Якова Богомолова в фильме «Преждевременный человек» по пьесе Горького. Роом год мне морочил голову, но не утвердил. Яков Богомолов — это роль... ну, чтобы долго не распространяться, — для Смоктуновского. Русский интеллигент, инженер. Я хотел его играть безумно! И в это время полу-

чил приглашение на «Бумбараша». Приехал на пробы, а сам думаю: на хрена мне ваш «Бумбараш»... Нетрезвый приехал, тогда гулял шибко. А Миша Кононов уже пробовался на эту роль и мне сказал, что получилось у него хорошо. Я тоже попробовался и уехал. А дома меня ждала телеграмма: «Вы сняты с роли Якова Богомолова». Другого такого удара я не помню! Даже после запрета «Живого» у меня не было такой сердечной муки, потому что спектакль был сделан. Его закрыли чиновники, но легенда состоялась. А роль Богомолова была бы прыжком в стратосферу, куда позже меня запустил Швейцер с Моцартом... Делать нечего — я дал телеграмму, что хочу пробоваться второй раз на Бумбараша. И режиссер меня снова вызвал.

— *Но роль-то какая получилась!*

— Я сказал Николаю Рашееву: «Если ты хочешь сделать хороший фильм — возьми Мишу Кононова, если хочешь заглянуть в вечность — возьми меня».

— *Скромно...*

— Это храбрость такая — заячья, от отчаяния. Я очень разозлился на судьбу и решил: мы сделаем гениальный фильм.

— *В вашей книге я прочитала, что в детстве вы летали — то*

Писание
дисциплинирует...
даже Обломова

«Золотухин». Впрочем, вы все поймете по
никам...». Почти все, что о Володе опублико-
написано после его смерти, а моя книжка —
действительно дневники. Почти никто не об-
щает внимания на даты, которые предваряют ка-
ждый отрывок, а это и есть самое принципиаль-
ное. Дневник — документ, его подлинность мож-
но проверить, сделав анализ чернил и бумаги.

— *Книга вышла в 1992 году, а я ни разу не
видела ее на прилавках.*

— А вы и не могли ее видеть. Книгу издал те-
атр, и продаю я ее в театре сам. Это тоже спек-
такль своего рода. Первое время мне трудно бы-
ло через себя переступить, не так-то легко вый-
ти торговать. Да еще слышать о себе вещи дале-
ко не лестные: «Предал друга, а потом продает
книгу о нем».

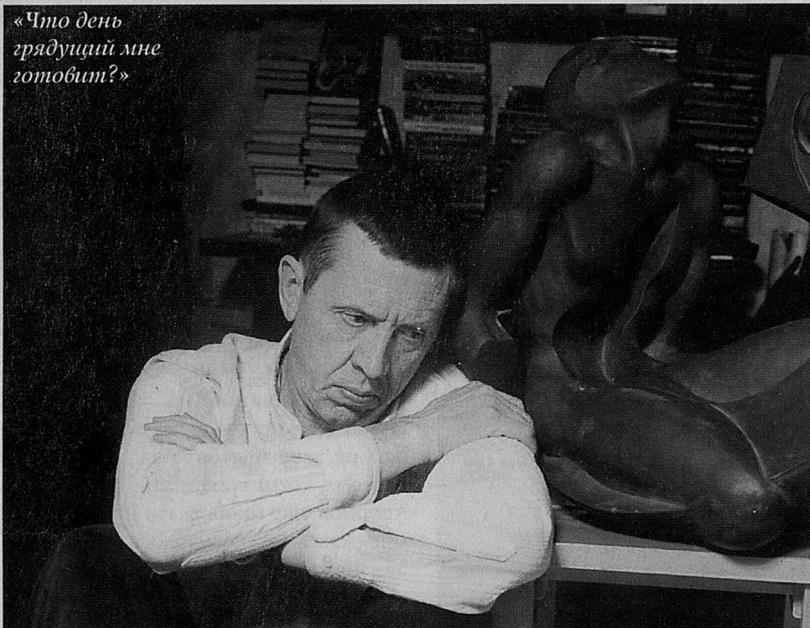
— *Когда «предали»?*

— Когда Гамлета взялся играть. Ну, эта исто-
рия тоже описана в «Дневниках...». Наши отно-
шения с Высоцким были бережными. Одно то,
что он от меня скрывал, что не один год пользует-
ся наркотиками, о многом говорит. Мы бере-
жно относились друг к другу.

— *Как вы пережили раздел «Таганки»?*

— Много лет прошло, надо вспомнить свои
ощущения. Для меня это было за гранью пони-

«Что день
грядущий мне
готовит?»

ли во сне, то ли наяву. Что бы вас сейчас,
говоря высоким штилем, заставило «взмах-
нуть крылами»?

— Женщина. Она была, есть и будет в моей
судьбе.

— *То есть любовь давала вам крылья?*

— Да, любовь, страсть.

— *У вас было много романов?*

— Донжуанский список — это одно, лю-
бовь — совсем другое. А еще меня держит на пла-
ву то, что я играю в театре. Сейчас репетирую
роль Пряничкова в «Шарашке» по соженищын-
скому «В круге первом» и маркиза де Сада в спе-
такле «Марат/Сад». Есть у меня еще радость —
только что издал книгу «Мой Эфрос».

— *Вы человек, многогранно талантливый.
Вам это, верно, сто раз говорили...*

— Сразу же напрашивается поговорка:
«И швец, и жнец, и на дуде игрец». Кто-то обо
мне сказал: «Лучший певец среди драматических
артистов и лучший артист среди посредствен-
ных певцов». Да... И ни одного дела толком.

— *Ну почему, а слава?*

— А на что она, слава?

— *Приятно, наверное.*

— Слава доставляет удо-
влетворение только тому,
кто ее достоин. Это я Гоголя
цитирую, но не точно. А до-
стоин ли ты славы? Можно
назвать себя лучшим акте-
ром современности, но сла-
ще от этого все равно не
станет. Всегда про себя зна-
ешь, кто ты на самом деле.

— *Валерий, вы напи-
сали книгу о Владимире
Высоцком «Дневники. Все
в жертву памяти тво-
ей...». Вы были его близ-
ким другом?*

— На ваш вопрос Высоц-
кий ответил сам. В анкете
«Кто твой друг?» он написал:

«Журавль по небу летит, корабль по морю плывет...»

имете по...
опублико...
жизка...
го не об...
продот...
стиал...
мож...

— **Большие деньги... На что живете?**

— На гонорары. От концертов, от книг. Иногда снимаюсь.

— **Хватает?**

— Знаете, в преодолении этой проклятой жизни есть своя доблесть, кураж. Когда в первый раз рухнула рубль, я работал за продукты. Со мной расплачивались яйцами, курами, картошкой. Потом я немножко выкарабкался. Что будет сейчас, не знаю, как и все. Но, наверное, не ужаснее, чем в 91-м. Тогда и сбережения ухнули, и новую машину угнали, аккурат в день рождения Гитлера...

— **Фашист проклятый. И здесь набредил.**

— Но сейчас я в театре зарплату не получаю, так как год назад взял кредит.

— **На что?**

— На зубы.

— **Очень красиво. Голливудская улыбка. Но кому в Голливуде расскажи, что известнейший артист в театре на зубы зарабатывает... Страшный сон. Гоголь бессмертен.**

— Что вы, я хотя бы могу себе позволить металлокерамику. Многие

— **Вот судьба! Мальчик рос в артистической семье, окончил два курса режиссерского факультета ВГИКа, а потом ушел в духовную семинарию. Но, насколько я знаю, Денис не в вашей семье воспитывался?**

— До десяти лет жил со мной, а потом, когда мы с первой женой развелись, его воспитывали она и ее муж. (Речь идет о Нине Шацкой и Леониде Филатове. — Ред.) Ну а я женился. Моя жена, Тамара Владимировна, не актриса. Она закончила музыкальное училище, училась в Ленинградской консерватории, потом все бросила, работала ассистентом режиссера на «Ленфильме». Там и встретила Золотухина (я снимался в «Единственной»). Или Золотухин встретил ее. Закрутился роман. Родился Сережа. Сейчас Тамара — домохозяйка.

— **Сколько лет Сереже?**

— Восемнадцать. Заканчивает музыкальное училище. Упертый парень, по шесть часов стучит на барабанах.

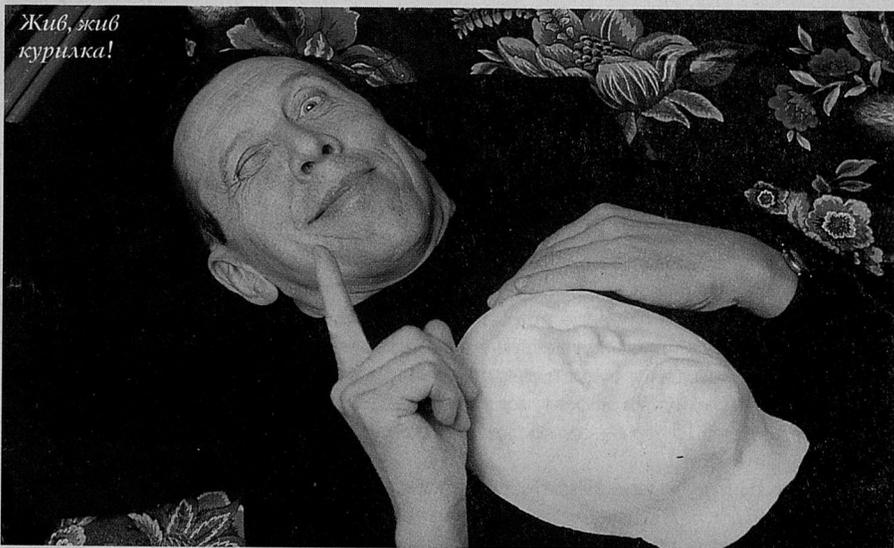
— **А что соседи говорят?**

— О-о! Грозятся гранату бросить. Мне бы его упорство — я бы, наверное, уже «Войну и мир» написал.

— **А вы, значит, Обломов, как всякий русский человек?**

— Немного.

Марина Кузнецова
Фото Виктора Горячева
и из архива Валерия Золотухина

Жив, жив
курилка!

мания, как умственного, так и душевного. Представить себе не мог, что против Любимова можно затеять подобную акцию. Законопослушание у меня в крови, я человек порядка и лада. Если кто-то или что-то мне не нравится, я должен уйти и работать в другом месте. Только зачем нужен скандал, дележ, суды? Наверное, были причины, обиды накопились, но разборки вылились в драматическую форму — все переругались. Это скверно отразилось на душах, особенно на душах тех, кто отделился. Но ведь они могут сказать то же самое и о нас.

— **История — лучший судья.**

— Но наш театр живет, хоть уже и не имеет прежнего оглушительного успеха. Мы гастролируем за границей, артисты получают зарплату.

— **Какая у вас, народного артиста России, зарплата?**

— Сейчас немного повысили, а было пятьсот восемьдесят три тысячи.

коллеги металлопластмассой вынуждены довольствоваться.

— **Значит, из той нищеты, в которую вас в одночасье ввергли, вы потихоньку выбрались?**

— Так-то оно так... Но 8 мая у меня родилась третья внучка, Маша.

— **У вашего старшего сына Дениса уже трое детей? Сколько же ему лет?**

— Двадцать девять. Кроме Маши у него есть дочка Оля, ей три года. И Таня, ей годик.

— **Денис — священник?**

— У него был приход в совхозе «Московский». Потом его перевели вторым священником в Видное. Сейчас он не служит.

— **А чем занимается?**

— Ищет работу.

Посидели
с чайком,
поговорили
ладком

